

Сергей Пономаренко

Сергей Пономаренко

Начало XX века. Чернигов накрыла волна странных исчезновений: пропадают молодые люди, а их тела находят обескровленными. От хирурга Куроедова молодой врач Владимир Шульженко узнает древнюю легенду о черниговском упыре, обозном Дунине-Борковском. Тогда, два века назад, город был повержен в панику и ужас. Что, если история повторяется? Но следователь Катасонов не верит в мистику. Тогда Владимир начинает собственное расследование. Он подозревает, что и сам следователь не так честен, как кажется. А тем временем появляются новые жертвы. Монстр из преданий снова вышел на охоту. Или же кто-то просто прячется за маской упыря...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5116-8

ВУРДАЛІАК

ВУРДАЛІАК

Сергей Пономаренко

ВУРДАЛІАК

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1(477)
П56

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайн обложки агентства «ТИМ+»

ISBN 978-617-12-5116-8

- © С. Пономаренко, 2018
- © Книжный клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019
- © Книжный клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

Бесноватые, вышедшие из гробов,
весьма свирепые...

Мф. 8 : 28

Если и была когда-нибудь на свете непреложно
доказанная и подтвержденная история, то
это — история вампиров. Она ни в чем не
испытывает недостатка — ни в официальных
отчетах, ни в свидетельствах высокопоставленных
особ, хирургов, священников, судей; все
законные доказательства налицо.

Жан-Жак Руссо

Пролог

Чернигов. 1702 год

Город-крепость походил на растревоженный муравейник, со стороны Торговой площади доносился грозный гул голосов, предвещающий бурю. На небольшом «пяточке», зажатом между бревенчатыми домами окольного града¹, казалось, собралось население всего города и слободок. Такое бывало, только когда требовалось сплотиться перед надвигающейся бедой. Кто только не угрожал за многие столетия славному городу Северской земли: печенеги, половцы, поляки, татары, османы — всех не перечить! Да и братья-славяне не раз наступали на него с огнем и мечом!

На этот раз угроза исходила не от внешнего врага, дьявольская опасность подстерегала внутри самого города, невидимо затаившись в домах, на улицах, в переулках, выжидая удобный момент для нанесения смертельного удара. На колокольне древней каменной церкви Святой Параскевы Пятницы два раза ударили в колокол, и, словно испугавшись чего-то, колокольный звон стих.

Пробирающийся в толпе казак Нечай Куделя имел строжайшее поручение от черниговского полковника Ефима Яковлевича Лизогуба, в силу возложенных на него обязанностей полкового есаула, пресечь беспорядки на площади и изловить смутьянов, распускающих клеветнические слухи. Куделе уже стало известно, что послужило поводом волнения горожан.

Утром в реке Стрижень, протекающей возле укреплений верхней крепости, возле Гноевой дамбы, выловили обескров-

---

¹ Черниговский окольный град — самая многолюдная ремесленно-торговая часть города.

ленное тело дочери казака Черниговской сотни Остапа Перебийноса — Марийки. Это была уже вторая смерть, до этого в реке нашли тело молодой жены скорняка Свирида Качуры из Предградья. Сам характер умерщвления жертв говорил о том, что это мог сотворить лишь нелюдь. При обнаружении первой жертвы появились робкие слухи, что молодую женщину замучил не иначе как мертвец-упырь, выпив из нее кровь. А вскоре было втихомолку названо имя упыря — не так давно умершего генерального обозного Войска Запорожского Василя Касперовича Дунина-Борковского, о котором еще при жизни, особенно в последние годы, ходили загадочные слухи. Хотя казак он был известный, много сделавший для города в бытность свою здесь полковником — после владычества ляхов отремонтировал за свой кошт несколько церквей и построил новые, городскую крепость сделал неприступной. Да только он обладал нравом крутым и жадностью непомерной. К тому же мертвые тела замученных горемык были найдены недалеко от того места, где стояло его имение.

Магистрат¹, умело маневрируя, сумел найти способ снять накал недовольства и успокоить городскую околицу, когда речь шла о смерти простой женщины из слободки. А вот смерть дочери известного и уважаемого казака Перебийноса вызвала бурю возмущения, и полковая старшина во главе с полковником была вынуждена вмешаться.

Смутьянов, распускающих клеветнические слухи о покойном казацком старшине, есаулу было приказано изловить и отвести в «холодную», где учинить им допрос — уж не за золото-серебро ли ляхов они эти слухи распускали? Есаул должен был людей успокоить обещанием разыскать нечестивца-душегуба. Ведь дело это непростое, да и не ко времени — по приказу славного гетмана Ивана Мазепы

---

¹ Выборная гражданская власть в Чернигове, но при верховенстве власти черниговского полковника. Имелась еще одна ветвь власти — назначенный царем воевода, в подчинении у которого находились стрельцы из Московского государства.

полковник Лизогуб собрал возле города полковые сотни, наметив в ближайшие три дня выступить в составе объединенного гетманского казачьего войска в поход, чтобы принять участие в войне, какую вел царь Петр I со шведами. Но могло ли войско покинуть главный полковой город, когда в нем беспокойно и нельзя предугадать, к чему возникшая смута может привести? Ведь голытьба только и ждет повода, чтобы начать грабить. Ничего особо загадочного в мученической смерти девиц не было — вокруг Чернигова стояли уже не один день восемь тысяч казаков Черниговского полка, прибывших из разных мест. Хотя объявлено было о строжайшем запрете продавать им водку и прочие хмельные напитки, о случаях пьянства уже было известно, а, как говорится, «где опьянение, там и грехопадение!». Безделье для войска во много раз хуже военных действий!

Еще тут находился отряд воеводы-боярина Краснощекова. Стоял он в Солдатской слободке, под верхней крепостью, насчитывал тысячу стрельцов-москвитян, а они ласые до прелестей местных девиц! Что у москаля на уме, только черт и знает! Не так давно боярин Бутурлин с отрядом стрельцов по приглашению ясновельможного гетмана Мазепы посетил с инспекцией крепость Батурин. Так двое москалей из боярского почта ночью хитростью пробрались в гетманскую скарбницу и похитили изрядно денег и ценностей. По жалобе гетмана эти москали были изловлены и прилюдно казнены в Москве.

Так что никакой тайны в произошедшем с девицами не было. Свои казаки или москали замешаны в этом, дознаться было нетрудно, только времени на это не было: полк вскоре будет выступать в поход, и ничто не должно было его тут задерживать!

На Торговой площади по субботам продавали свой товар селяне из окрестных хуторов и сел, а по большим праздникам проходили ярмарки. Здесь всегда было людно, однако такого количества людей есаул тут никогда не видел, хотя служил в Черниговском полку более полутора десятка лет. Услышав

грозный людской гул, как в бурю на море, есаул понял: выполнить наказ полковника будет чрезвычайно трудно. Даже десяток казаков-молодцов, назначенных ему в подмогу, с этим не справятся. Надо здесь действовать не силой, а хитростью, а то легко голову можно сложить непонятно за что.

Люди заполнили всю площадь и прилегающие улицы и улочки. Собрались мещане, торговцы, жители слободок, ремесленники и местные казаки. Площадь бурлила, словно закипевшая вода в самоваре. Разномастную толпу объединяли гнев, злоба и желание выплеснуть их наружу. Толпа в слепой ярости безжалостна, разумные доводы она не приемлет, и ей всегда нужна жертва, о чьей степени виновности или безвинности будут рассуждать после, когда накал страстей спадет. Есаул понимал, что применить силу, находясь внутри толпы, — значит рисковать жизнью и своей, и находящихся при нем казаков. Протокаться в самый центр площади, где крикуны вели злобные речи, распаяя толпу, даже с помощью дюжих казаков ему не удалось. Он понимал, что, применив оружие, обратит на себя ярость толпы и его вместе с казаками сметут в одно мгновение. Полковой есаул был казаком не только смелым, но и рассудительным, поэтому не торопился бездумно выполнить приказ сурового полковника, хотя понимал, что тем самым вызовет гнев вельможного.

Внезапно по собравшейся на площади многотысячной толпе прошло волнение, как бывает на море перед штормом, и она двинулась, увлекая за собой есаула с его казаками, беззащитными перед ее слепой силой. Толпа ручейком просочилась через ворота за пределы городских стен, где снова обрела силу и двинулась в направлении Елецкого монастыря. Работая локтями и кулаками, есаул неуклонно продвигался к голове образовавшейся колонны, где находились зачинщики беспорядков. С большим трудом, но ему все же удалось пробиться туда, когда они уже были на территории монастыря.

Длинной змеей люди двигались вдоль монастырских сооружений, приближаясь к белоснежному Успенскому собору,

гордо вознесшему высоко в небо три свои золоченые главы. Есаулу стало понятно, что направляются они к усыпальнице Дунина-Борковского, и это не сулило ничего хорошего. Предводителями здесь казак Перебийнос и скорняк Качура.

— Сійте! — что есть силы крикнул есаул, оказавшись почти у них за спиной. — Ім'ям нашого полковника Якова Лизогуба наказую вам зупинитися і припинити це неподобство!

Остап Перебийнос оглянулся и злобно уставился на есаула:

— Чого ти, Нечай, тут командуєш? Хіба це з твоєю дочкою кровопивець натішився, чи не мою квіточку він безжально зірвав? Скільки ще доньок, дружин стануть жертвами упиря, поки ви з паном полковником прозрієте?

Громовой голос Перебийноса пронесся набатом, и тут же толпа грозно и одобрительно загудела, поддерживая своего предводителя. Есаул рванулся к нему, но был крепко схвачен стоящими рядом людьми. Он оглянулся, чтобы позвать на помощь свое воинство, но никого не увидел, видимо, растерял казаков в толпе. Но даже если бы они оказались рядом, то не смогли бы противостоять разбушевавшейся тысячной толпе. Это было бы то же самое, что бросать камешки, пытаюсь этим укротить бурю. Есаул, конечно, понимал, какие боль и гнев испытывают родители, потерявшие своих детей, сочувствовал им, но не выполнить приказа полковника он не мог.

— Хіба ти не розумієш, Остапе, що мертвий не може нашкодити живим? Василь Касперович був людиною суворою, але ж і набожною, був християнином, а не безбожником і чаклуном! Хто це придумав, що він після смерті став упирем?! Це вигадки наших ворогів, які хочуть сплюндрувати ім'я покійного генерального обозного, славного козака! — Есаул грозним взглядом обвел толпу. — Чи може хтось це особисто засвідчити?

— А ти думав, що нема кому? — Перебийнос хищно усмехнулся и скомандовал: — Давайте сюди Прохора!

К нему вытолкнули перепуганного мужчину средних лет, в котором есаул узнал лакея покойного генерального

обозного. Перебийнос вперил в него яростный бычий взгляд покрасневших глаз:

— Кажи, Прохоре, не бійся — твій господар під час посту скоромне вживав? Чаклунством займався? Денного світла боявся? Хіба ще за життя не змінилася його зовнішність, не прийняв він подобу справжнього чаклуна?!

Трясаясь от страха перед разгневанным казаком, лакей послушно кивал, подтверждая его слова:

— Чаклунством займався... Посту не дотримувався... Жив у темряві при свічках, боявся денного світла... Змінився тілом та обличчям... На смертному одрі відмовився від сповіді і таїнства соборування.

Перебийнос победно посмотрел на есаула:

— Які ще тобі докази потрібні? А те, що він був не нашої, а ляхської крові і з'явився у нас ніби з нізвідки, хіба не доказ його бісівської сутності?!

Толпа одобрительно загудела. Перебийнос, больше не обращая внимания на есаула, вместе с Качурой и несколькими казаками зашел в Успенский собор, где в притворе был похоронен бывший генеральный обозный Дунин-Борковский. Люди сгрудились у входа, ожидая дальнейших событий. Время шло, снова по толпе пошло волнение, как рябь по воде, и тут в дверях, натужно сопя под тяжким грузом дубового гроба, богато украшенного серебряным позументом, показались шестеро дюжих казаков. Едва они вынесли гроб, как толпа отхлынула от входа в собор, словно боялась, что упырь собьет изнутри крышку, восстанет из гроба и проявит свой злобный, колдовской нрав за то, что потревожили его.

Отойдя от входа в святую обитель на два десятка шагов, казаки, отдуваясь, поставили гроб на землю. Тут же Перебийнос поддел топором и сорвал крышку гроба. Так как покойник продолжал лежать неподвижно, толпа, осмелев, окружила гроб плотным кольцом, и раздались удивленные и испуганные крики: «Свят, свят! Спаси, Господи!» Всем захотелось взглянуть на упыря, началась давка. Есаулу едва удалось протолкнуться наперед.

Дунин-Борковский лежал в богатом гробу, обитом изнутри зеленой тканью, неизнаваемо изменившийся, не похожий на себя, каким его есаул видел в последний раз два года тому назад. В тот день пришло известие, что царь Петр I объявил войну Швеции, и Дунин-Борковский, уже несколько лет, не покидая Чернигова, выполнявший обязанности генерального обозного, собрал у себя в имении за Стрижем высшую старшину полка во главе с Лизогубом. Генеральный обозный имел крайне болезненный вид и говорил тихим голосом, что было ему несвойственно. С тех пор он стал проводить заседания все в более позднее время, даже ночью, сокращая количество допущенной на него казацкой старшины, в итоге ограничившись полковником и двумя казаками из высшей старшины. В городе стали ходить слухи о необычном поведении генерального обозного, поговаривали, что он не посещает церковь в праздники и ведет затворнический образ жизни.

Сейчас есаул видел в гробу урода. Обычно аккуратно подстриженная седая борода чудовищно разрослась и лежала лопатой на груди, которая вздымалась, будто горб. Стало широким, расплывшимся лицо, приобретя сизый цвет. Нос сильно увеличился и нависал клювом надо ртом; повязка, придерживающая нижнюю челюсть, сползла, отчего приоткрытый рот растянулся почти до ушей, и редкие желтые зубы угрожающе торчали из-под почти невидимых губ, скривившихся, словно в дьявольской ухмылке. Невероятно увеличилось все тело, раздавшись ввысь и вширь, тогда как при жизни генеральный обозный имел небольшой рост и невыдающееся сложение. Толстые пальцы рук с впившимися в них перстнями с самоцветами выглядывали из рукавов кафтана чуть ли не черного цвета. Но даже в этом уроде-гиганте угадывались знакомые черты, и есаул, хоть и с трудом, но узнал генерального обозного, с которым ему приходилось неоднократно встречаться. Теперь ему стало понятно, почему на торжественных похоронах генерального обозного гроб был закрыт. Народу было объявлено, что такова последняя воля умершего, а она свята!

— Бач, який натоптаний! Напився крові християнської! Упир! Виродок бусурманський! Дивись, посміхається! — послышались гневные голоса. Кто-то сунул дымящую трубку в рот мертвецу. — Він і дим пускає! Нажерся крові і вилежується, сил набирає на ніч! Кровопивець!

У Перебийноса в руках оказался заостренный с одной стороны осиновый кол длиной с аршин. Приставив кол к груди мертвеца, казак стал его забивать в тело покойника, мерно ударяя по нему обухом топора. Есаул понимал, что не в силах этому воспрепятствовать, и молча наблюдал за происходящим. Хлынувшая из груди мертвеца кровь имела темный окрас. Перебийнос с наслаждением вбивал кол, пока тот не пронзил труп насквозь.

— Ось ще доказ! У мерця кров загусає, а в цього кровопивці вона рідка! Він живий мрець — упир!

Есаул молча перекрестился — этот довод был наиболее убедительный, ведь после похорон прошло уже много времени. Кто-то крикнул, что надобно отрубить голову упырю, тело спалить, а пепел развеять над Десной. Перебийнос замер над покойником с оголенной саблей.

— Подумай, що ти робиш! — сказал негромко есаул, так, чтобы только Перебийнос слышал. — Ти вже помстився мерцю. Подумай, як поставиться ясновельможний пан гетьман до сплюндрування тіла свого генерального обозного, який був у нього у великій шані? Адже це тільки мертве тіло, без душі! Мертвому ти вже не зашкодиш, а живим, своїм рідним — можеш.

— Лякати мене надумав?! — Глаза казака зло блеснули, и жилы на его руке напряглись.

— Адже крім доньки, яку вже не повернеш, у тебе є два сини, майно, хутір, земля. Чи ти думаєш, що тобі все це зійде з рук? Ясновельможний пан гетьман і вельможний пан полковник заплющать на це очі?

Перебийнос со злостью плюнул на землю, вставил саблю в ножны и, несмотря на осуждающие крики, отошел от гроба. Есаул вместе со своими казаками, благо те уже были рядом,

потихоньку оттеснил наиболее буйных от гроба. Подмогой ему стал и подошедший настоятель монастыря с монахами, которые стали увещать, успокаивать собравшийся на монастырском подворье люд. Но толпа вновь взволновалась, люди стали кричать, что гробу с упырем не место в святом соборе. Пришлось есаулу во всеуслышание пообещать, что тело генерального обозного будет перезахоронено в его имении, за Стрижнем. Его слова сняли напряжение, и люди стали потихоньку расходиться, потянулись в сторону города.

Есаул с помощью казаков закрыл крышку гроба, но не рискнул вернуть его в притвор собора. Оставив всех своих казаков охранять гроб, есаул поспешил обратно в цитадель.

Уже через час он докладывал пану полковнику о произошедших событиях. Как он и ожидал, полковник вначале разозлился и принялся его распекать, а успокоившись, стал думать, что теперь делать. Вскоре он отправился за советом к архимандриту Иоанну Максимóвичу.

Чернигов. 1910 год

1

Двухпалубный колесный пароход «Казак», словно заядлый курильщик, благодушно попахивая черным удушливым дымом из высокой трубы, натужно шел против течения стремительной Десны. Владимир стоял на верхней палубе, его лицо обдувал встречный ветерок. Глядя на него со стороны, можно было подумать, что он внимательно изучает безлюдные песчаные берега левобережья, покрытые чахлыми кустарниками и редкими деревьями с преобладанием ив. На самом деле Владимир погрузился в тревожные размышления, как обычно бывает, когда приступаешь к чему-то новому, неизведанному, и, главное, если ты не уверен в правильности принятого решения.

С этого дня Владимир должен был двигаться в совершенно новом для него русле самостоятельной жизни, теперь ему надо было рассчитывать только на свои силы, причем в незнакомом для него месте — Чернигове, городе, о котором он знал лишь понаслышке. Это был молодой человек двадцати двух лет, приятной, но не броской наружности, с буйной волнистой шевелюрой и длинными бакенбардами, натолкнувшими его университетских приятелей на мысль дать ему прозвище Базаров¹. Прозвище Владимиру льстило, он охотно на него откликался, хотя с литературным персонажем, студентом-нигилистом, его связывало лишь внешнее сходство и полученная специальность лекаря².

---

¹ Евгений Базаров — персонаж романа И. С. Тургенева «Отцы и дети».

² Так в Российской империи именовалась квалификация, полученная после обучения в высшем учебном медицинском заведении.

Владимир был родом из семьи коренных киевлян, из которой на протяжении многих десятилетий вышло несколько поколений врачей и адвокатов. Его отец, Иван Никодимович Шульженко, был известным адвокатом по уголовным делам, пользующимся популярностью и влиянием в Киеве. Мама Владимира умерла от чахотки, когда он учился во втором классе гимназии, и отец, несмотря на занятость, принял самое непосредственное участие в воспитании единственного сына, пожалуй, даже излишне его опекая. Иван Никодимович, подобно эгоистичным мамашам, контролировал каждый шаг своего чада, бесцеремонно вторгался в его личную жизнь. После того как сын окончил гимназию, Иван Никодимович поставил его перед выбором: он мог стать врачом или юристом, поскольку другие профессии, по мнению отца, не могли гарантировать жизненный успех. Владимир же грезил путешествиями и приключениями, мечтал стать географом или инженером, подобно Сайрису Смиуту¹. В то время Владимир и не пытался перечить отцу, поэтому согласился поступить на медицинский факультет, посчитав, что это может пригодиться ему в будущих путешествиях. Первое столкновение с отцом случилось, когда Владимир отдал предпочтение хирургии и стал пропадать в свободное время в университетском анатомическом театре, тогда как отец настаивал, чтобы он стал провизором — профессия сугубо мирная, а хирурги в военное время подлежат призыву в армию. Ну а войны, подобно весенней грозе, случаются неожиданно, и последствия их губительные. Отец во время бесконечных разговоров за вечерним чаепитием брезгливо морщил нос: «Как ты можешь копать в людских внутренностях? От тебя уже дурно пахнет!» Однако Владимир отстоял свой выбор, который сделал под влиянием все той же идеи стать путешественником, ведь без хирурга в экспедициях в малоизученные края не обойтись.

В своих мечтах Иван Никодимович распланировал жизнь сына на несколько лет вперед: работа в престижной и новой

---

¹ Персонаж романа Жюль Верн «Таинственный остров».

Александровской городской больнице, помолвка с дочерью своего приятеля, главного врача этой же больницы. Однако Владимир горел желанием вырваться из-под опеки и в конце концов разрушил мечты отца. Через губернскую врачебную управу Владимир получил направление в городскую больницу Чернигова на должность лекаря. Уехать как можно подальше от Киева, выйти из сферы влияния отца стало его самым заветным желанием.

Владимир отправился в место назначения не на дилижансе, что было бы быстрее, а на тихоходном пароходе, в комфортной каюте. Поднявшись вверх по Днепру, пароход свернул в главный его приток, стремительную Десну, и, преодолевая быстрое течение, медленно продвигался к конечному пункту, то и дело останавливаясь на промежуточных пристанях, обновляя состав пассажиров. Большую часть пути Владимир провел на верхней палубе, рассматривая проплывающие мимо пейзажи и представляя себя на настоящем морском корабле. Владимир тяжело вздохнул: это путешествие ничем не напоминало те, о которых он мечтал, а в своих фантазиях видел он бескрайние морские просторы, экзотические острова и страны.

Неспешный ход судна и однообразные пейзажи утомили Владимира, как и нестройный хор голосов разношерстной публики, устроившейся по дешевым билетам на носовой части парохода под брезентовым тентом вместе с вещами — узлами, чемоданами и даже мешками. У Владимира было место в каюте 2-го класса (отец настоял!), но, не в силах находиться подолгу в замкнутом пространстве вместе со словоохотливыми попутчиками, с которыми, будучи человеком воспитанным, был вынужден поддерживать неинтересный ему разговор, он предпочитал коротать время на палубе.

Русло Десны раздвоилось, пароход подал звучный сигнал и стал забирать влево, в более узкий рукав реки, как оказалось, в залив.

— Впереди Чернигов. Конец нашему путешествию, — произнес стоящий рядом статный мужчина лет сорока с элегантной бородкой, в пенсне и соломенном канотье.

Судя по всему, он, как и Владимир, предпочел палубу комфортной каюте и теперь с наслаждением курил ароматную сигару. Дым его сигары приятно волновал Владимира, навевал думы о дальних странах. Владимир жадно всматривался в показавшийся с левой стороны зеленый холм, на котором вырисовывались силуэты церквей.

Корабль вошел в неширокую, грязную заводь со стоячей зеленоватой водой. На берегу была оборудована пристань, вдоль берега стояло несколько баркасов, фелюг, были развешаны рыбацкие сети. Места тут было мало, так что, если бы навстречу шел такой же пароход, как тот, на котором они приплыли, им было бы трудно разойтись. Крытая бело-голубая деревянная пристань при приближении к ней парохода стала активно подпрыгивать на волнах, несколько мальчишек, рыбачивших с нее, неспешно сворачивали свои нехитрые снасти — удилище из ореха, гусиное перо на нитке в качестве поплавка и самодельный крючок из проволоки. Появился матрос в грязной полотняной форме, следящий за порядком на пристани, и несколькими тумаками ускорил их сборы.

Пароход, подав звуковой сигнал, подошел к пристани, на носу и на корме застыли в ожидании матросы, приготовившие швартовочные концы. На палубе началось движение, пассажиры стали активно перемещаться на правый борт, несмотря на грозные окрики помощника капитана через жестяной рупор. Тяжелогруженный пароход с глухим стуком тесно прижался к пристани, сильно ее качнув. Умело закрепив швартовочные концы на кнехтах пристани, матросы опустили трап с перилами на причал, и пассажиры торопливо устремились к нему, стараясь поскорее оказаться на берегу, словно опасались, что судно, доставившее их сюда, тут же пойдет ко дну. Владимир не спеша прошел в каюту, уже покинутую его спутниками, и забрал свой багаж, состоящий из несесера и фанерного чемодана, обтянутого кожей.

Выйдя на причал, он увидел на берегу городских в белом летнем обмундировании, которые усаживали в тюремную черную карету полного господина в котелке, что-то яростно

доказывающего им. Тут же стояло несколько пустых подвод, на которых рядом с кучерами находились полицейские.

На причале у мостика, ведущего на берег, стоял полицейский и поторапливал пассажиров:

— Господа, быстрее проходите! Не задерживайтесь! Проходите!

Сойдя на берег, Владимир с любопытством огляделся. Здесь было скопление небольших деревянных, дощатых, чуть ли не фанерных домиков, больше похожих на временное жилье. Ощущался устоявшийся запах гниющих водорослей, сушеной рыбы и сырости. В нескольких сотнях метров начинался крутой, обрывистый берег, а на самом верху виднелась каменная белоснежная трехкупольная церковь. Чем-то эта местность напомнила Владимиру киевский Подол, только в миниатюре.

Пассажиры парохода усаживались в различные экипажи, на возы, а некоторые двинулись пешком по пологому песчаному подъему. Владимир огляделся в поисках свободного экипажа.

— Любезнейший! Вам в город? — слышался голос, и, обернувшись, Владимир увидел господина, который стоял рядом с ним на палубе; при нем был лишь небольшой кожаный портфель.

— Да, в гостиницу.

— Вам в какую?

— Я пока не знаю.

— Выходит, я был прав, предположив, что вы не местный и в Чернигове впервые. — Мужчина с довольным видом рассмехался, словно сделал бог знает какое открытие. — Город наш хоть и губернский, но небольшой, и лица здешних жителей примелькались. Если желаете, можете составить мне компанию. Помогу вам найти подходящую гостиницу.

— Премного благодарен! — обрадовался Владимир.

Возница экипажа пристроил его багаж на задке коляски, для сохранности обвязав веревкой. Владимир сел рядом с незнакомцем, и тот приказал кучеру:

— Трогай!

Владимир представился:

— Шульженко Владимир Иванович, после окончания Киевского университета направлен лекарем в здешнюю городскую больницу.

— Очень приятно! — Мужчина приподнял шляпу. — Семькин Петр Семенович, адвокат, имею здесь частную практику.

— Вам известно, почему столько полиции на пристани?

— Меня это также заинтересовало, и я спросил об этом пристава. — Снова последовал довольный смешок адвоката. — Оказывается, мы с вами плыли на затаившемся огнедышащем вулкане, и лишь чудом он никак себя не проявил, — витиевато пояснил новый знакомец.

— Прошу прощения, Петр Семенович, я вас не понял.

— Здешний купец второй гильдии, господин Давиденко, надумал перевезти нашим парохомом тридцать пудов пороха! Вместо того чтобы, как полагается, нанять отдельное судно для столь опасного груза, он решил сэкономить и подверг опасности жизни полутора сотен людей, находящихся на парохоме. Каков негодяй!

— Провидение уберегло пассажиров нашего парохома. — Владимир перекрестился, однако у него не возникло ощущения, что он избежал страшной опасности. Угроза жизни казалась призрачной, не имевшей к нему отношения, словно он прочитал об этом в книге.

— Купца и капитана арестовали — и поделом им, — удовлетворенно произнес Семькин.

— Необычным оказался мой первый день на новом месте — поездка на парохоме, начиненном порохом. — Владимир во все стороны крутил головой, разглядывая местность, неказистые дощатые дома, стоявшие на высоких деревянных сваях. — Чудно, тут дома словно времянки.

— Во время весеннего разлива Десны эта местность часто подтопляется, поэтому и дома такие, ведь порой приходится их из реки вылавливать. Сейчас мы двигаемся вдоль крепостного вала старой крепости, по так называемому «Кавказу».

Владимир только сейчас обратил внимание на то, что обрывистый берег, виднеющийся за крышами домов, имеет правильную геометрическую форму.

— По какой же странной ассоциации так назвали эту низинную местность? Где тут горы? — поинтересовался пораженный Владимир.

— Раньше она называлась Солдатской слободкой, здесь были расквартированы московские стрельцы из гарнизона крепости, жили в слободке и рыбаки. По легенде, «Кавказом» назвали потому, что здесь селили пленных горцев-абреков во время войны с Чечней, хотя я в этом сомневаюсь. В Чернигове я не встречал потомков чеченцев, но, возможно, из-за того, что они тут не прижились? Это город легенд, у вас будет возможность с ними познакомиться. — Экипаж резко подбросило, и Семькин счел нужным пояснить: — Мы двигаемся по Быдлогонной улице — каково название, такова ее суть!

Дорога вся была в выбоинах, отчего экипаж постоянно трясло и подбрасывало. Затем начался длинный, затяжной подъем по недавно уложенной брусчатке, но трясло не меньше. Лошади приходилось как следует напрягаться, чтобы тянуть вверх коляску.

— Вероятно, это не официальное название улицы?

— Иного вы не услышите от местных жителей. Да и название весьма меткое. Прошу меня простить за сравнение, но на этой дороге и в самом деле ощущаешь себя скотом!

Пролетка поднялась на самый верх, и улица преобразилась, расширилась. Впереди показалась кирпичная арка, по обе стороны которой возвышались ложные зубчатые крепостные башенки.

— Наша Триумфальная арка, — весело произнес Петр Семенович. — Почти как в Париже. Только у парижан она одна, а у нас их аж четыре. Хоть в этом мы их превзошли!

За аркой с обеих сторон потянулись длинные дощатые заборы, над которыми возвышались зеленые кроны фруктовых деревьев. Дорога стала шире, и теперь это была настоящая мостовая.

— Мы выехали на нашу главную и самую длинную улицу — Шоссейную. С правой стороны от нас, за деревьями, наша главная историческая достопримечательность — валы, там же находится Константиновский сквер. — Петр Семенович продолжал исполнять обязанности гида. — В этой самой древней части города находились великокняжеский замок, детинец, храмы периода Киевской Руси. Обязательно побывайте там. — Петр Семенович поправил на голове съехавшую набок от тряски шляпу. — На противоположной стороне также сквер и Екатерининская церковь, которую вы видели снизу, там же памятник императору Александру III.

Семькин вдруг рассмеялся и пояснил:

— В Константиновском сквере установлена статуя Александра II, так что можете задумать желание — мы проезжаем между двумя Александрями!

Шоссейная, несмотря на несуразное для главной улицы название, Владимиру понравилась: широкая, оживленная, с вывесками всевозможных магазинов, контор, трактиров. Дома тут были в основном одно- и двухэтажные. Семькин, рассказывая о городе, всему давал короткие, меткие характеристики. Чернигов при первом знакомстве оставлял приятное впечатление.

— Радует то, что город тихий и, я бы сказал, умиротворенный. Наверное, жизнь тут размеренная, спокойная, без особых происшествий. День на день похож.

— В общем-то вы правы. Это край легенд и сказок, может, поэтому тут порой происходят странные события, которые не поддаются логическому объяснению.

— Интересно, какие?

— Вот, например, недавно на городском кладбище обнаружили раскопанную могилу с пустым гробом. Покойник исчез!

— Что тут невероятного? Я слышал про такие случаи. Во времена Возрождения воровали трупы для лекарей, изучающих анатомию человека. В наше время причины этому могут быть разные — месть, хулиганство, тайные ритуалы. Вот в Киеве у студентов есть обычай напоить какого-нибудь

господина, а затем таскать с собой его бесчувственное тело. Фантазия человеческая не имеет границ!

— Дай Боже, чтобы все прояснилось и в этом не были замешаны темные силы! — воскликнул Семькин и истово перекрестился, словно ограждая себя от опасности.

Владимир удивился подобной реакции адвоката, но не стал спрашивать, чем она вызвана. Возле неприметного двухэтажного серого здания, отличающегося от соседних аляповатой, но звучной вывеской «Гостиница “Царьград”» Семькин приказал кучеру остановиться.

— Рекомендую вам нашу старейшую гостиницу. Во-первых, номера тут пристойные и относительно недорогие. Во-вторых, думаю, вам будет приятно, что в ней в свое время останавливались известные люди — Николай Гоголь, Александр Пушкин. На первом этаже имеется трактир, где можно сытно и вкусно поесть, на втором находятся лучшие номера. Если пожелаете, помогу вам подыскать удобную квартирку в доходном доме. До городской больницы вам надо будет проехать по Шоссейной улице или даже пройти пешком, это недалеко, впрочем, как и все в нашем небольшом городе. Если эта гостиница вам не понравится, то есть классом выше — «Александровская», возле Соборной площади, или господина Быховского на Преображенской. Там есть ванны с горячей водой и электричество.

— Огромное спасибо, Петр Семенович! Думаю, пока останюсь в этой гостинице, а там будет видно.

— Милости прошу ко мне в гости! Я живу на Малоречковской, это за рекой Стрижень, вот вам моя визитная карточка.

Распрощавшись с Семькиным, Владимир вошел в гостиницу. Небольшой вестибюль, стойка-столик, за которым находился рябой портье в красной атласной рубашке навыпуск, дальше виднелся длинный полутемный коридор, напротив — деревянная лестница, ведущая на второй этаж.

— Что желаете, сударь? — при виде потенциального постояльца оживился портье. — У нас имеются номера на любой вкус!

— Мне что-нибудь поприличнее, с окнами во двор.

— Имеется такой номер! Вы будете довольны! — обрадовался рябой и крикнул, повернувшись в сторону коридора: — Федька! Бегом сюда!

Открылась крайняя дверь в коридоре, появился невысокий худощавый паренек лет четырнадцати, в такой же красной рубаше, что и у портье. У него было серьезное личико и воспаленные глаза.

— Отнеси багаж в седьмой номер! Пожалуйста, сударь, назовите вашу фамилию для регистрации.

Мальчик быстро подхватил чемодан и направился к лестнице. Владимиру было неудобно, что его чемодан тащит подросток, но пока он пребывал в раздумьях, как поступить, тот уже поднялся по лестнице. Владимиру ничего не оставалось, кроме как последовать за ним наверх. Номер Владимиру понравился: просторный, мебель в хорошем состоянии, на кровати свежая постель. Дав мальчишке полтинник, Владимир остался в комнате один, присел к столу, наполнил стакан водой из графина, выпил. Вода была свежая и приятная на вкус.

— Как сложится здесь моя новая жизнь? — громко спросил Владимир, но ответа не получил.

Он стал разбирать вещи, развесил одежду в шкафу, привезенные с собой книги выложил стопкой на стол — собственно, они и составляли львиную часть багажа. Кроме специализированной литературы по медицине, справочников, Владимир привез с собой несколько художественных книг. Он любил приключенческую литературу и качественные детективы, любил читать о странствиях и тайнах, которые требуют разгадки. Он восторгался Шерлоком Холмсом, героем романов Конан Дойла, и сразу, после первого же знакомства, исключил из круга своего чтения рассказы про сыщика Ната Пинкертон, оказавшиеся на волне популярности. Его привлекали литературные произведения, где с реальностью соседствовала мистика, где ход событий невольно вынуждал читателя искать подтекст, отправляя его в область иррационального и необъяснимого. Он зачитывался рассказами

Эдгара По, Огюста Вилье¹, Амброза Бирса², был в восторге от романа Гюисманса «Там, внизу»³. Незадолго до отъезда из Киева его новым увлечением стали рассказы Роберта Чамберса⁴, поэтому он прихватил с собой сборник фантазмагорических рассказов этого автора «Король в желтом». Прочитанный накануне отъезда рассказ «Реставратор репутаций» поразил Владимира необычностью сюжета и безумием главного персонажа, медленным, но неуклонным приближением невероятных, жутких событий, заставивших трепетать его сердце. Главным злом в рассказе выступала двухактная пьеса «Король в желтом», прочтение которой приводило к безумию и реальному кошмару. Содержание самой пьесы в рассказе не раскрывалось, лишь подчеркивалась гениальность текста.

«Неужели всего лишь прочтение книги может толкнуть человека на преступление?» — задавался вопросом Владимир, рассчитывая, что другие рассказы этого сборника помогут ему найти ответ.

Как только стало смеркаться, Владимир удобно устроился в довольно потертом кресле возле стола, зажег керосиновую настольную лампу — электричества в гостинице не было — и раскрыл книгу. Следующий рассказ назывался «Желтый знак», и он погрузился в чтение.

2

Утром Владимир едва смог заставить себя встать — он читал рассказ до глубокой ночи. Как и в предыдущем рассказе, пьеса «Король в желтом» подтолкнула главного персонажа к безумным действиям, и в итоге — к преступлению. Закон-

¹ Филипп-Огюст-Матиас де Вилье де Лиль-Адан (1838—1889) — французский писатель и драматург.

² Амброс Гвиннет Бирс (1842—1914) — американский писатель, автор юмористических и «страшных» рассказов.

³ Жорис-Карл Гюисманс (1848—1914) — французский писатель.

⁴ Роберт Уильям Чамберс (1865—1933) — американский писатель.

чив читать, Владимир долго ворочался на кровати без сна, невольно вспоминая персонажей и эпизоды рассказа: юная влюбленная натурщица, циничный художник на грани сумасшествия, готовый совершить убийство лишь из-за того, что внешность церковного сторожа ему была крайне неприятна; их удивительные сны, оказавшиеся пророческими. Главный герой в гробу со стеклянной крышкой, через которую наблюдает за происходящим, бессильный чем-либо себе помочь; он отправляется в Никуда на катафалке, управляемом ожившим мертвецом.

Вскоре после того, как глубокой ночью Владимир наконец, незаметно для себя, очутился в объятиях Морфея, его сон был грубо прерван. Он был разбужен пьяными криками, мужскими голосами, горланившими похабную песню, которую оборвала трель свистка городского. Даже когда все стихло, Владимир продолжал лежать без сна, с тревогой вслушиваясь в тишину, в которой ощущалась непонятная угроза.

«Здесь не отдохнешь. Надо найти другую гостиницу или частный пансионат. Второе предпочтительнее».

Заснул Владимир только на рассвете, с мыслью, что будет неприлично появиться в больнице поздним утром.

Невыспавшийся, разбитый, Владимир привел себя в порядок и спустился в ресторан. Он только поковырял еду в тарелке ввиду отсутствия аппетита, лишь с удовольствием выпил клюквенный квас вместо чая. Тут же дал себе зарок: больше перед сном не читать подобные жуткие рассказы, разве что накануне выходного дня.

Рябой портье отправил прислуживающего мальчишку за извозчиком, и когда Владимир вышел из ресторана, коляска уже поджидала у входа. Управлял ею грузный ямщик с квадратным туловищем.

— В городскую больницу! — приказал Владимир, усевшись на заднее сиденье.

— Слушаюсь, барин! — Кучер щелкнул хлыстом, и коляска тронулась, однако ехала она не так быстро, как хотелось Владимиру.

— Далеко до больницы? — нетерпеливо поинтересовался Владимир, взглянув на часы. Был уже десятый час.

— Тут все недалеко, барин. Город-то небольшой. Вы, небось, спешите? Зря, жить надо не спеша, ведь конечная остановка для всех одна — кладбище!

Владимир, все еще полусонный, скользил взглядом по сторонам, не воспринимая ничего из увиденного. Волнения перед знакомством с новым местом работы не было, и это его удивляло. Ушли прочь сомнения относительно правильности сделанного им выбора после окончания университета. Он был готов начать новую жизнь!

Владимир с любопытством рассматривал проплывающие мимо дома. Улица постепенно преобразилась. Небольшие деревянные домики, прятавшиеся за дощатыми заборами в зелени садов, сменили настоящие городские, двух- и даже трехэтажные кирпичные дома. Ему даже показалось, что он не уезжал из Киева, а всего лишь очутился в незнакомой части города. Конечно, здешние узкие улицы были не чета роскошным Крещатику или Фундуклеевской. Все выглядело гораздо скромнее. Народу на улицах было немного, судя по одежде — мастеровые или торговцы.

Они въехали на большой пустырь между домами, по которому девочка лет десяти гнала впереди себя двух козочек. У Владимира возникло ощущение, что они вот-вот выедут из города.

— Скажи, любезный, далеко еще? — Владимир нетерпеливо взглянул на часы. — Где это мы?

— Александровская площадь, отсюда до богоугодного заведения, которое вам требуется, рукой подать.

Гордое и венценозное название пустыря показалось Владимиру забавным, и он улыбнулся. Через минуту они подъехали к длинному одноэтажному оштукатуренному кирпичному зданию с множеством окон, к которому, казалось, со всех сторон подступали жилые дома, и коляска остановилась.

— Приехали, барин. Вот наша городская больница. С вас двугривенный, барин! А коли от щедрот добавите ...

Владимир сунул ему четвертак и быстро выбрался из коляски. К входу в здание, обычному крыльцу с навесом, тянулась длинная змейка ожидавших приема людей. Вид у больницы был простоватый, и у Владимира, сопоставившего ее с киевской Александровской больницей с красиво украшенными фасадами корпусов, вольготно раскинувшейся на Кловском урочище, возникло тоскливое ощущение, что он совершил ошибку.

«Что ты хотел тут увидеть? Дворец?» — вступил с ним в полемику внутренний голос, но отвечать ему у Владимира не было ни времени, ни желания. «Поработаю здесь с годик и вернусь в Киев», — решил он. Немного успокоившись, он направился вдоль очереди к входной двери.

— Куда прешь, не видишь, что тут очередь?! — Крупный, плотный мужчина в косоворотке и пиджаке, пронизывая его злым взглядом, преградил ему дорогу.

От этого человека, явно недалекого ума, исходило ощущение звериной силы.

— Я новый врач! Позвольте пройти!

Мужчина минуту подумал — смысл сказанного не сразу дошел до него — и лишь затем посторонился:

— Проходите, раз такое дело.

За дверью на табурете сидел полный татарин в несвежем белом халате, видимо, в его обязанности входило следить за соблюдением очередности и направлять больных к тому или иному врачу. Татарин недовольно скривился и угрожающе поднялся, увидев Владимира, но тот его опередил:

— Проводите меня к главному врачу. Я новый лекарь, приехал из Киева.

На лице татарина появилась угодливая улыбочка, он что-то произнес, но так быстро, что ничего нельзя было разобрать. Он повел Владимира по длинному больничному коридору и остановился у двери с табличкой «Главный врач Антон Харлампиевич Свечников». Вот тут Владимир занервничал. Он постучал, и ему ответил приятный баритон:

— Войдите!

В просторном помещении за канцелярским столом, покрытым зеленым сукном, сидел мужчина лет шестидесяти, профессорской внешности: пышная седая шевелюра, белоснежная, аккуратно подстриженная борода и очки с толстыми линзами. Перед ним громоздилась стопка папок.

Владимир представился и положил на стол бумаги, подтверждающие его квалификацию лекаря, окончившего университет с отличием.

— Присаживайтесь, Владимир Иванович! — любезно предложил ему главврач и стал внимательно просматривать его документы, то и дело одобрительно кивая. Закончив, он отложил их в сторону. — Владимир Иванович, как вы считаете, где вы сможете наилучшим образом применить полученные вами знания? — Главврач посмотрел на Владимира, по-отечески улыбаясь; его близорукие серо-голубые глаза излучали добродушие.

— Антон Харлампиевич, я весьма неплохо проявил себя на хирургических практикумах. Хотел бы работать хирургом.

— Э, батенька, вон куда вы замахнулись! Резать тела в анатомическом театре — это одно, а живого человека — совсем другое! Тут любая ошибка может привести к непоправимым последствиям, — и Антон Харлампиевич осуждающе покачал головой.

Владимир попытался возразить, но главврач, махнув рукой, остановил его:

— Надо с чего-то начать, а там поглядим, на что вы годны. Да и вакантная должность врача есть только в нервно-психиатрическом отделении.

— Лечить психически больных?! — воскликнул Владимир.

— А они что, не люди? Поработаете пока в психиатрическом, а затем переведем вас в другое отделение. Больница у нас не маленькая — семьдесят коек в стационаре, есть еще и амбулатория, там принимают больных врачи разной направленности, в том числе и хирург. Никто, поверьте мне, не стал практикующим хирургом сразу, с учебной скамьи. Накопите опыт, научитесь правильно диагностировать заболевания.

Владимир недовольно сощурился, размышляя. Слова главврача в очередной раз заставили его пожалеть о принятом решении приехать сюда.

«Лечить психов?! Надо немедленно возвращаться в Киев!» И тут ему вспомнились слова отца, сказанные при прощании: «Поезжай, раз так решил, но я уверен, что ты пожалеешь об этом и вскоре вернешься!»

«Если я вернусь, это будет означать, что я не способен жить самостоятельно. Мне предложили не то, на что я рассчитывал, но это не повод уезжать отсюда».

Главврач словно прочитал мысли Владимира:

— Наш хирург, Осип Гаврилович, набирался опыта, участвуя в войне с турками три десятка лет тому назад, и здоровье у него уже не то. Зато он хирург от Бога! Я с ним поговорю, он присмотрится к вам, не исключено, что вы станете его преемником. Так что не следует раньше времени унывать. Путь к успеху пролегает через тернии! Иначе не бывает.

— Время покажет, — неопределенно ответил Владимир.

— Ну что ж, идемте, я познакомлю вас с доктором Бобровым, заведующим нервно-психиатрическим отделением.

Главврач, несмотря на почтенный возраст, двигался легко и быстро, Владимир едва за ним поспевал. Они вышли из больничного корпуса, обошли его и направились к зданию, стоящему в отдалении. Оно даже издали выглядело мрачным: одноэтажное, с наглухо закрытыми и зарешеченными окнами, это здание казалось враждебным и вызывало ощущение безысходности. Жилые дома, тесно обступающие основной корпус больницы, словно боясь этого здания, стояли в отдалении, как бы на безопасном от него расстоянии.

Им оставалось сделать десяток шагов до входа в психиатрический корпус, когда оттуда донесся душераздирающий крик, перешедший в вой и вдруг резко оборвавшийся. По спине Владимира словно провели наждаком, его передернуло. Антон Харлампиевич остановился и с улыбкой повернулся к нему:

— Вероятно, вы читали произведение господина Чехова «Палата № 6»?

Владимир молча кивнул, еще не придя в себя после услышанного ужасного вопля.

— Так вот, ни с чем подобным в нашем отделении вы не столкнетесь. Первым заведующим этим отделением был доктор Розенель. Он придерживался гуманного подхода в обращении с пациентами, как это было принято в европейских заведениях такого рода, где для больных даже ставили спектакли и устраивали балы. Доктор Розенель ничего такого не организовывал и в отношении буйных больных смирительную рубашку при необходимости применял, но он строго следил за тем, чтобы медицинский персонал их не обижал и не обворовывал. Он даже обратился в городскую управу с требованием выделить средства на возведение вокруг корпуса отделения высокой ограды, чтобы больные могли выходить на прогулки во двор, дышать свежим воздухом, благо для этого место есть. — Главврач указал на пустырь, образовавшийся между этим зданием и жилыми домами. — Это давало бы больным ощущение, что они не затворники, а просто находятся на излечении.

Антон Харлампиевич, указывая рукой на ближайшие жилые дома, продолжил:

— Наша больница, в том числе и этот корпус, были построены за чертой города, это потом он к нам дошел. Недобрая слава этого заведения для душевнобольных привела к тому, что жилые дома строили в отдалении от него. Жители ближайших домов направили городским властям гневную петицию, выразив свое возмущение сумасбродными новшествами доктора Розенеля, а магистрат долго оттягивал решение этого вопроса. Доктор Розенель на свой страх и риск позволил некоторым «спокойным» пациентам выходить на прогулки возле корпуса под присмотром санитаров. Возникло несколько неприятных ситуаций, когда больные этого отделения повели себя агрессивно в отношении жителей близлежащих домов. Городская застройка, как видите, окружила больницу тесным кольцом, так что исключить контакты больных с жителями при открытых дверях отделения и отсутствии ограждения практи-

Содержание

Пролог. Чернигов. 1702 год	7
Чернигов. 1910 год	16
Эпилог. Лето 1914 года. Ницца	322

Літературно-художнє видання

ПОНОМАРЕНКО Сергій

Упир

Роман

(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *В. М. Комісарова*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 21.11.2018. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Арно Про». Ум. друк. арк. 17,64. Наклад 8000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а, E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у державному видавництві «Преса України»
03047, м. Київ, просп. Перемоги, 50

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру ДК №310 від 11.01.2001 р.

Литературно-художественное издание

ПОНОМАРЕНКО Сергей

Вурдалак

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *В. М. Комиссарова*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 21.11.2018. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Арно Про». Усл. печ. л. 17,64. Тираж 8000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а, E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в государственном издательстве «Пресса Украины»
03047, г. Киев, пр. Победы, 50

Свидетельство о внесении субъекта издательского дела
в Государственный реестр ДК №310 от 11.01.2001 г.

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Початок ХХ століття. У Чернігові зникають молоді люди, а їні тіла знаходять знекровленими. Від хірурга Куроедова молодий лікар Володимир Шульженко дізнається давню легенду про чернігівського упиря, обозного Дуніна-Борковського. Тоді, кілька століть тому, місто поринуло в паніку та жах. Що, як історія повторюється? Але слідчий Катасонов не вірить в містику. Тоді Володимир починає власне розслідування. Він підозрює, що і сам слідчий не такий чесний, як здається. А тим часом з'являються нові жертви. Монстр із переказів знову вийшов на полювання. Або ж хтось реальний ховається за маскою упиря...

Пономаренко С.

П56 Вурдалак : роман / Сергей Пономаренко. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 336 с.

ISBN 978-617-12-5116-8

Начало ХХ века. В Чернигове исчезают молодые люди, а их тела находят обескровленными. От хирурга Куроедова молодой врач Владимир Шульженко узнает древнюю легенду о черниговском упыре, обозном Дунине-Борковском. Тогда, пару веков назад, город был повержен в панику и ужас. Что, если история повторяется? Но следователь Катасонов не верит в мистику. Тогда Владимир начинает собственное расследование. Он подозревает, что и сам следователь не так честен, как кажется. А тем временем появляются новые жертвы. Монстр из преданий снова вышел на охоту. Или же кто-то реальный прячется за маской упыря...

УДК 821.161.1(477)

Киевлянин Олег ведет собственное расследование трагической гибели друга. Все указывает на то, что убийство было ритуальным. Мужчина пытается понять, кто и почему сделал это. Ответ на вопрос может таиться в дневнике родственника умерщвленного Андрея — Родиона Иконникова. Олег узнает, что когда Родион неожиданно заболел и пребывал на грани между жизнью и смертью, ему явился бес желаний и предложил бессмертие в обмен на душу: каждые тридцать лет Родион должен жертвовать своего потомка... Олег не исключает, что его друг — жертва бесовского соглашения. Но неужели предок Андрея до сих пор жив?

В старом доме Вадим находит старинное зеркало и пачку фотографий. На фото — девушка, Анна Ступачевская, которую жестоко убили сто лет назад. Убийца девушки покончил жизнь самоубийством напротив того самого зеркала, в доме Анны. Марина, хорошая знакомая Вадима, верит, что зеркало проклято и приносит несчастье своему обладателю. С Вадимом начинают происходить странные события. Он сомневается в проклятии до тех пор, пока бездыханное тело Марины не находят в парке, в котором когда-то была убита Анна. Тогда ему становится по-настоящему страшно. Но что, если убийца — не призрак из прошлого, а реальный человек? Тот, кто хорошо знал Марину...

В 1912 году на Лысой горе казнили Анику Мозенз, обвинив в отравлении своих родных, но на самом деле девушка была непричастна к убийству. Событие из прошлого мистическим образом влияет на судьбу людей в современном мире. В какой-то момент Глеб понимает, что он виновник казни Аники, его тогдашней возлюбленной, а окружающие его люди также причастны к убийству девушки. Лысая гора какой-то магической силой манит их к себе. Смогут ли герои исправить ошибки, совершенные в предыдущей жизни? Удастся ли им разрушить силу колдовства?

Глеб всегда недолюбливал тещу из-за ее удивительной проницательности. А приехав в далекое село на похороны, узнал, что здесь ее считали колдуньей и не на шутку побаивались. Ему, столичному психологу, посмеяться бы над сказками о местечковых ведьмах, но теперь уж не до смеха... Прямо из гроба украдена поминальная свеча, из дома усопшей исчезла старинная книга о магии, да еще эти жуткие сны... Кто-то всерьез решил занять место умершей ведьмы, и Глеб, едва не потерявший жену в страшной аварии, понимает: того, кто это начал, остановить будет непросто...